

Не изменить себе. Мифы и легенды МГИМО

Анатолий Торкунов более 15 лет возглавляет самый престижный вуз страны — МГИМО. И это не случайно. Поступив в 1967 году в этот институт, он ни разу не изменил себе и своей alma mater: куда бы жизнь ни забрасывала его на дипломатическую службу, он всегда возвращался в родные стены. Об элитарном образовании, золотой молодежи, романтике дипломатической службы и ее «наследственности», о прошлом и будущем и о том, что волнует современного студента, мы решили поговорить с ним в преддверии нового учебного года.

— *О том, чтобы поступить в один из самых престижных вузов страны «с улицы», и сейчас, и лет 20 назад говорили как об априори невозможном факте. Но зато о благе поступивших до сих пор ходят легенды, наверняка преувеличенные. Как считаете?*

— Вот именно что преувеличенные. Я сам тут учился, однако не имею отношения к высокопоставленным работникам. Мои родители работали инженерами на ЗИЛе. Из тех, кто учился со мной, почти 40 процентов — демобилизованные из рядов Советской армии и студенты из разных уголков страны. На нашем курсе учился сын первого секретаря Московского горкома КПСС Гришина, были и дети сотрудников МИДа, в том числе послов и офицеров КГБ. Но они не составляли большинства. Эта мифология появилась потому, что тут действительно были «дети», но из 120 человек — от силы троечетверо. Просто все знали их фамилии, они были известны стране.

— *Расскажите про ваше детство.*

— Я входил в дворовую команду, занимался разными видами спорта. Как все ребята из района, бегал на развалины Симоновского монастыря. На месте, где сегодня стадион «Торпедо», были болота, а чуть правее — разрушенные военные склады. Детьми мы собирали там всякие гайки, болты, иногда даже находили фляжки и другие предметы военного времени. Учился в музыкальной школе, которую, правда, не закончил, играл в молодежном театре и был всегда очень активен в школе. В аттестате было пять «четверок», остальные — «пятерки».

— *Как же в голове паренька из простой инженерной семьи поселилась мысль поступить в МГИМО?*

— Про этот институт узнал от своего товарища, который собирался туда поступать. Тогда был очень популярный фильм — «Посол Советского Союза», так что желание стать дипломатом было вполне естественным. Я начал заниматься с репетитором по английскому языку, а по остальным предметам готовился сам. Сколько себя помню, был типичным гуманитарием, увлекался историей, но всегда был твердо настроен на практическое применение этих знаний. Так что выбор именно МГИМО в моей жизни не случаен.

— *А тогда всех желающих допускали к экзаменам?*

— Поступали по рекомендациям райкомов комсомола или партии. Я — не исключение. Поскольку в школе был секретарем комсомольской организации класса, то там мне рекомендацию и дали, а потом подписали в райкоме. А вот ребятам из регионов

требовалась еще и рекомендация обкома партии. Иногородних студентов в МГИМО всегда было много, и сейчас их более 40 процентов. В 1991 году, за год до того как я стал ректором, отказались от практики рекомендаций.

— *А вот разговоры о «наследственной дипломатии» тоже миф и далеки от истины?*

— Я категорически не согласен с тезисом о «наследственности» дипломатической стези. Разве у Горчакова, Литвинова, Громыко, Добрынина были предки-дипломаты? Нет! Дипломатия — вещь не для каждого, она требует сочетания эрудиции, широкого взгляда на мир и бюрократической дисциплинированности, элементарной усидчивости, умения работать в рамках большого слаженного механизма. Эти требования не так-то просто сочетать.

— *Почему в институте вы выбрали корейский язык?*

— Я не выбирал, и мои родители совсем не обрадовались, когда получил его для изучения: хотели, чтобы у меня был язык полегче и поинтереснее. Да и мне самому думалось учить в крайнем случае японский или китайский. СССР в то время имел дипломатические отношения только с Северной Кореей, мы читали журнал «Корея» и хорошо представляли себе, что это за страна. Но теперь, по прошествии многих лет, я нисколько не жалею о полученной специализации: язык интересный, а культура корейской цивилизации уникальна. Результатом моей исследовательской работы, так или иначе связанной с проблемами Корейского полуострова, стало множество публикаций, в том числе книг, переведенных на корейский, японский и английский языки.

— *Но, согласитесь, сам институт был ведь в привилегированном положении?*

— По тем временам оно заключалось в возможности работать по очень интересной специальности, которая к тому же была связана с поездками за рубеж. А вот «привилегия» вылететь действительно была. У нас студентов отчисляли гораздо быстрее, чем из других вузов. В то время пока мои бывшие одноклассники играли в футбол, ходили в поход и готовились к экзаменам, как обычно, только в период сессии, я ежедневно «долбил» два языка. Из тех, кто поступил, закончили МГИМО только 80 процентов.

— *А какая-то параллельная жизнь у вас была? Не все же время вы с книжками проводили?*

— После первого курса мы уехали в Сибирь, в Хакасию. Работали там по ирригации хакасских степей. Это места потрясающей красоты, главный фон — Саяны. С водой, правда, было туговато: озерцо грязноватое, и все. Но каждый вечер — капусташки, песнопения, танцы, хотя девушек не хватало. Немного и сухой закон нарушали, в пределах нормы, конечно. Многие ребята так сердцем прикипели к этим местам, что даже сейчас ездят туда сплаваться на плотях. Летом мы работали в стройотрядах. А в зимнее время по стране читали лекции от общества «Знание». Читали минут по 40. И получали за это по шесть рублей.

— *Кому же вы их читали?*

— В Таганроге для шахтеров. Вставал в 6 часов утра, ехал вместе с ними в шахту, и перед тем как они уходили в забой, я и читал им лекции. В Новосибирской области — в основном по деревням. Люди на них узнавали чуть больше, чем можно было в то время прочитать в газетах или услышать по радио. А мы в свою очередь многое узнавали о

стране. Так что воспоминания об этих поездках остались самые приятные. В общем, для семьи я обузой не был, свои материальные проблемы решал сам.

— *Могли ли вы предположить, что через какое-то время станете ректором и так надолго?*

— Нет, конечно. Но я и по специальности поработал в Северной Корее и США. И нынешняя работа доставляет мне удовольствие. Так что у меня уникальный случай — все возможности реализовались.

— *С Ким Ир Сенем встречались?*

— Я не мог с ним лично встречаться, поскольку был младшим дипломатом. Но я его видел — в театре, на приемах. Он производил очень хорошее впечатление: такой крупный, с низким красивым голосом и морем обаяния. Другое дело — режим, который он создал. Но, знаете, в то время, когда я там работал, существовали еще надежды, что страна будет как-то развиваться. Тогда было очень много совместных строек. Корейцы были неголодными. Мясо они, конечно, ели не каждый день, но зато улыбались, и чувствовалось, что у них есть будущее.

— *Можно ли сказать, что дипломатия — профессия вежливых людей?*

— Иногда бывают весьма резкие переговоры. Но я считаю, что люди, которые отвечают за принятие решений, не связанных лично с ними, с их семьей, не имеют права публично проявлять свои эмоции. Это еще традиция российской дореволюционной дипломатии, которую, в свою очередь, переняла и советская дипломатия. Все советские министры иностранных дел с пиететом относились к Горчакову, одному из самых выдающихся российских дипломатов.

— *Как дипломаты «измеряют» результаты своего труда?*

— Дипломатическая работа — это наука в ускоренном темпе. Когда тебе поручают написать справку или аналитическую записку и дают на все про все одну ночь, то ты тогда в сумасшедшем темпе начинаешь прокручивать в своей голове все, что ты знаешь, слышал или даже не слышал и не знаешь, но догадываешься об этом неким профессиональным чутьем. На выходе ты получаешь текст, о качестве которого сначала судит твое начальство, а потом уже оценивают по внешнеполитическим шагам или шажкам твоей страны иностранные партнеры. Конечно, этот результат не сиюминутный.

— *А как насчет строгой регламентированности дипломатической службы? Трудно все время «держаться в рамках»?*

— В этом смысле мне много дала работа в советском посольстве в Вашингтоне — с одной стороны, это ни с чем не сравнимый опыт профессионального и человеческого общения с такими корифеями дипломатии, как А.Ф. Добрынин, Ю.М. Воронцов, А.А. Бессмертных. Полученные от них знания и умения я стараюсь привнести в университетскую жизнь МГИМО. С другой стороны, на дипломатической работе возникали и обратные связи. Как-то, в нарушение правил Госдепа для советских дипломатов, я выбрался в подвашингтонский молл на шопинг. Делать этого было нам нельзя, и настроение было, прямо скажем, нервное. Вдруг слышу возгласы на английском: «Профессор Торкунов! Пожалуйста, подождите!» Проваливаюсь в собственные ботинки, но... ко мне подбегает мой бывший студент-монгол, жмет руку, радуется встрече. Я оживаю... Кстати, этот посетитель американского молла впоследствии стал одним из руководителей внешнеполитического ведомства Монголии.

— *Что сегодня нужно, чтобы поступить к вам?*

— Хорошо сдать ЕГЭ и тест по английскому языку. В этом году конкурс был порядка 20 человек на место. В значительной степени он был искусственным. Абитуриентам разрешили подавать документы в разные вузы, и к нам они приходили «до кучи».

— *А вылететь легко?*

— Главным образом за неуспеваемость. Часто бывает так, что в институте человек есть, а на занятиях его нет. Что значит отсутствие на языковых занятиях? Пропускается тема, сюжет, и потом студенту трудно это наверстать.

— *Сегодня много говорят, что с введением ЕГЭ абитуриенты сильно изменились. Если не вдаваться в подробности, каков он, сегодняшний абитуриент?*

— Совершенно точно, что в мое время читали больше. Но у нынешних есть компенсация — компьютер, о котором мы даже не мечтали. Так что я не очень понимаю современное брюзжание на тему, что, мол, студент не тот пошел. Мне как раз кажется, что в каких-то вопросах они гораздо более продвинутые, чем мы были. И, конечно, существует довольно сильное расслоение. Некоторые ребята уже сейчас по своей подготовке соответствуют уровню студентов первого курса: у них отличный язык, должный общекультурный уровень, кругозор. Другие же на их фоне смотрятся менее выигранно, но мы стараемся среди абитуриентов отыскать «звездочек», которые потом будут задавать интеллектуальные, социальные параметры в студенческой среде. Очень много таких ребят поступает к нам из провинции.

— *А каким студент будет завтра?*

— Через 10 лет образование будет еще более синтетическим. Произойдет процесс сближения естественно-научного, инженерного и гуманитарного образования. Сегодня основные прорывы и откровения случаются на стыке наук, и даже прорывы в технологиях возможны только в том случае, если люди, этим занимающиеся, обладают суммой гуманитарных знаний. Смысл высшей школы в том, чтобы давать те знания, которые наиболее востребованы сегодня и дают возможность заглянуть вперед. Общая замена комплекса знаний осуществляется каждые 10 лет, а раньше это происходило только каждые 50—70 лет. Следовательно, обновлять свои знания надо очень быстро, а для этого

нужны база и умение учиться. Тем не менее не устаю повторять: помимо профессоров и новейших пособий по дипломатии или бизнесу существуют еще Шекспир, Толстой и Достоевский!

— *Сейчас очень много говорят об инновационном образовании...*

— Хотя еще не совсем ясно, как это будет выглядеть. Хотелось бы, чтобы МГИМО стал исследовательским университетом, чтобы вся профессура занималась самыми актуальными исследованиями в самых востребованных на сегодняшний день направлениях. Хотелось бы максимально использовать новые методики преподавания, которые можно применять в инновационных курсах. Каждый студент, даже самый слабенький, должен получить соответствующий набор знаний и умений, чтобы выплыть в трудное экономическое время. Это минимум.

— *А максимум?*

— Будем, конечно, бороться за то, чтобы войти в рейтинг 20—30 лучших вузов мира, хотя нужно иметь в виду, что мы не классический университет, у нас нет естественно-научных специальностей. Один параметр вузов первых линеек мы уже давно выполнили — это наличие 20 процентов иностранных студентов из 63 стран мира. Открыто много совместных магистратур, учебных проектов с вузами Франции, Германии, Италии, США, на повестке дня открытие магистратуры с Китаем. Подумываем и об открытии факультета психологии. Сегодня это очень важное направление, причем оно касается практически всех отраслей и знаний, и практического производства. То есть речь идет о том, чтобы мы сумели воспитать представителей инновационного класса, способных получать и производить новые знания и преобразовывать эти знания в реальный продукт, главным образом в рыночный. А если речь идет о дипломатии или госуправлении, то не совсем рыночный, но тем не менее реальный практический продукт.

— *В вашем вузе введено понятие «рейтинг студента». Что это такое?*

— Он уже два года существует и создан в дополнение к нашим требованиям о воспитании в студентах личностных качеств и активной жизненной позиции. Мы используем международный опыт, хотя там рейтинг студентов связан только с успеваемостью. У нас это более широкое понятие. Причем речь идет об абсолютно открытой информации. На нашем сайте можно посмотреть рейтинг лучших студентов. Максимально они набирают 100 баллов. Но успеваемость тех, у кого рейтинг меньше 50 баллов, можно посмотреть, только набрав номер зачетной книжки.

— *А какими критериями определяется рейтинг студента?*

— Учебой, посещаемостью, активностью на семинарах, участием в общественной жизни и в спорте, качествами, которые оценивают преподаватели. Главное — качество знаний, которые получает студент. Когда мы отправляем студента на семинары, стажировки, конференции, всегда указываем его рейтинг. В итоге повышается мотивация учебы в университете.

— *А что вы можете сказать родителям, которые всеми правдами и неправдами пытаются записать ребенка в МГИМО?*

— Приличное образование сегодня можно получить и в любом другом вузе, где нет такого напряженного графика учебы, как у нас, и не надо тратить столько времени на подготовку. У нас же все очень строго: три занятия студент пропускает — декану пишут докладную записку, 30 часов пропусков без уважительных причин — отчисление... Одним словом, надо выбирать вуз с учетом особенностей ребенка, без оглядки на пафосность его названия. Например, наша кавээновская команда до определенного уровня в состязаниях доходит, а потом вдруг исчезает. Да все потому, что свободного времени на репетиции у ребят не остается. Если вы учите китайский, или корейский, или специальный английский, вы не можете пропустить ни одного занятия, ни одного дня самоподготовки. Малейший пропуск вызывает «проседание», и наверстывать упущенное потом крайне сложно. Должен отметить, что у нас есть порядка 700 человек, которые учат третий язык, но есть и такие студенты, которые «проседают» с одним. Иногда по итогам сессии мне приходится по 100 человек отчислять. А это всегда драмы. Но и я ничего не могу поделать, потому что эти студенты после положенных попыток не смогли пересдать свои задолженности. Кстати, могу привести в качестве примера опять же ребят-медалистов, которые поступили к нам из столичной школы с углубленным изучением китайского языка. У них был достаточно слабый английский, потому что все годы они делали упор на китайский язык. Но в течение небольшого времени сумели наверстать и английский, потому что есть привычка учиться.

— *Вы просто какой-то концлагерь нарисовали. Наверняка ведь все не так уж страшно...*

— Конечно, нет. Хотя не могу сказать, что я уж очень сильно утрирую. Некоторые студенты даже рассматривают институт как своего рода клуб. Я как раз за то, чтобы МГИМО стал для них вторым домом, клубом, но не за счет учебы. Ты отзанимался положенное время — дальше иди в кафе, библиотеку, спортивный зал, просто общайся в свое удовольствие. У нас, кстати, залов для «кофепития» — несчетное число. Я прекрасно понимаю, что ребятам надо дать возможность себя самореализовать — в рок-группе ли, в студенческом театре, КВНе, спортивной команде или студенческом исследовательском центре. Сколько есть молодых людей с талантами, не связанными непосредственно с их профессией: они пишут стихи, сочиняют музыку, поют! Хотелось бы, чтобы все это реализовывалось в стенах вуза. Я, к сожалению, пока не доволен тем, как это делается у нас.

— *А у вас-то лично остается свободное время?*

— Если у человека нет свободного времени, то вообще непонятно, зачем человек живет. Надо как-то организовывать себя, чтобы уметь насладиться жизнью. Именно поэтому стараюсь ничего не делать в воскресенье. Только отдых, сауна, прогулки, приятное чтение... Я очень люблю собираться в компании друзей, с которыми мы учились, работали вместе. Раз-два в неделю мы с женой Ириной обязательно проводим время с моей дочерью, ее мужем и с внуком. Вместе ездим отдыхать: я люблю море, а зимой — Подмосковье или Кисловодск. Всей семьей мы коллекционируем кузнецовские фигуры и советский фарфор. Нашу большую уже коллекцию начали собирать много лет назад. Теперь эти предметы стали раритетом. Конечно, в первую очередь жена этим занимается. Она очень любит кузнецовские фигурки. У нас большая библиотека, однако большую часть специальной литературы я держу на работе, потому что дома практически уже нет места. Есть надежда когданибудь прочитать все, но, видимо, это только мечты.

— *Дочь пошла по вашим стопам?*

— В некотором роде. Она юрист, преподает на кафедре европейского права у нас в университете, защитила диссертацию по проблематике Европейского суда по правам человека в Страсбурге, где одно время работала.

— *У вас широкий круг общения?*

— У выпускников МГИМО очень развит дух корпоративности. Мы все до сих пор дружим. Даже есть специальный фонд, куда мы собираем деньги на случай помощи кому-нибудь. У меня много приятелей и друзей из творческой интеллигенции.

— *Говорят, вы любите балет?..*

— Нет, как раз к балету я особого пиетета не испытываю, больше люблю драматические театры. Но в Большой хожу часто, потому что его директор мой приятель. В юности одно время хотел поступать в театральное училище. В зилловском молодежном театре играл Чацкого, каких-то шпионов. Когда-то моим самым любимым театром был товстоноговский БДТ. Несколько раз я даже специально ездил в Ленинград на его спектакли. Сейчас очень люблю «Современник», «Ленком», табаковский МХТ. С Ширвиндтом дружу.

— *У вас так много знакомых режиссеров. Может быть, стоит попробовать уговорить их и сыграть на профессиональной сцене?*

— Ну что вы! Нет. Я достаточно здесь играю, чтобы еще на сцену выходить.